

Радомира Берсень

Шедевр

Рассказ из цикла "Бесцветный закат"

16+

Радомира Берсень

Шедевр

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65463211

SelfPub; 2021

Аннотация

Очень трудно быть художником в нашем современном мире. Не так-то просто создавать толерантные полотна, которые бы не оскорбили ни одно из существующих движений. Вот и герой данного рассказа пытается создать нечто, что будет принято и одобрено всеми.

Радомира Берсень

Шедевр

Холст был мрачен и пуст. Марвик был мрачен тоже. Вот уже тридцать дней подряд он начинал день с очень долгой чашки кофе. Невозможно долгой. Просто бесконечно долгой чашки кофе, но увы, даже попытка развлечь себя, вылизывая последнюю каплю из чашки, нисколько не подняла настроения. Потом он тщательно облачался в обляпанный красками халат. Долго вертел мольберт, выбирая угол падения света. Потом крайне кропотливо разводил краски на палитре. Он бы давно уже сотворил что-то более-менее достойное выставки, однако некоторое время назад мир внезапно и очень весело улетел с катушек. Все сходят с ума по цветам: одним не нравится черный, другим – наоборот, кто-то визжит что розовый – это буквально цвет его души, а кто-то предпочитает голубой. Марвик честно пытался никого не обидеть. Он уже представил своему агенту пять вариантов картины, но тот гневно отверг одну за другой. Энтузиазм художника упал сначала до нуля, а потом еще ниже. Агент неоднократно говорил ему, что современное творчество обязано быть мягким и толерантным, как новорожденный ягненок, который всех любит и никому не желает зла. Это, кстати, его дословная цитата. В тот день, когда Марвик использовал все оттенки цитрусовых, агент долго пенял ему, что это чрез-

мерно жизнерадостно и наивно. И вообще, должен быть черный – где черный? Але, весь мир содрогается в судорогах, пригибающих колени к земле, а ты тут желтеньким размахался ... Ладно, ладно, и оранжевым ... да плевать, что тут пять оттенков желтого, три оранжевого и четыре – зеленого. Должен быть черный. Иначе сам понимаешь чья диаспора жесткими пинками выгонит нас с выставки. А это конец твоей репутации, конец твоей карьере. Окей, кротко сказал Марвик, мысленно рисуя себе картинку, как его агента жрут крокодилы. Ах да! – черные крокодилы. Он пошел по пути резких контрастов. Используя жесткий карандаш и крупные черные штрихи, он нарисовал мир черно-белых тонов и теней. Агент в ужасе возопил, что за такую картину их четвертуют, отравят, зарежут, сожгут, сбросят с пятидесятого этажа, а останки закопают в асфальт в назидание потомкам. Марвик уже порядком рассвирепел. На этот раз он так отчетливо смог представить себе как его агента пожирает ожившая черная дыра, корча при этом злобные хари, что даже руки зачесались изобразить это. Но тогда он останется без агента, а продвигать свое творчество самостоятельно Марвик категорически не умел. Не было тех связей, что у этого прониры, который уже загодя договорился о выставке и теперь все ждали, затаив дыхание, шедевра, который должен был сотворить Марвик. Он нервно отхлебнул из стакана, заглянул в него, задумчиво поболтав остатки, и медленно потянулся к графину. Он смотрел на холст. Третья попытка включала

в себя затейливую мозаику, изломавшую пространство, которая включала только хроматические цвета. Нет, нет, нет! Ведь Марвик поступил довольно хитро, используя только основные цвета – цвета радуги. Но агент, скорбно подтянув брови ко лбу, заявил, что теперь их выкинут с выставки представители тех самых меньшинств. Они тоже внезапно подняли голову, вместе с любителями черного, правда, на колени перед ними вставить пока еще не требовали. Но кто знает, кто знает как время повернет события. Пятый вариант Марвик представил уже не своему агенту, а, нарушая все правила разом, сразу нескольким критикам. Но те посчитали, что использовать белый холст – это так, гм, несовременно, так нетолерантно, так возмутительно, что это просто-таки даже оскорбляет, да-да ... Они так долго кудахтали, что Марвик вконец расстроился и даже сжег этот злополучный пятый номер, едва не устроив пожар в своей мастерской. До выставки оставался ровно один день. Следующим вечером откроется благотворительный бал, в ходе которого будет открыта выставка. А на этой выставке каждый мало-мальски известный художник (или мечтающий стать таковым), должен представить от одного до трех своих полотен. Разумеется, будут присутствовать все сливки общества. А деньги за вход в галерею уже решили переправить в «Фонд спасения голодающих слонят России».

Марвик думал об этом уже в сотый, нет, в тысячный раз и его уже ощутимо подташнивало от мысли, что угодить нуж-

но ВСЕМ. Он икнул и неловко потянулся снова, но столкнул пустой графин на пол, отчего гулко загрохотало по всей мастерской. И это было последней каплей. В припадке ярости, он запустил палитру прямо в цент холста, не в силах справиться с пуговицами, разорвал на себе халат, и выбежал вон.

***

Три часа спустя агент Марвика осторожно постучал костяшками пальцев по косяку. Потом, с изумлением, обнаружил, что дверь открыта. Осторожно войдя, он не нашел в мастерской художника. Зато нашел картину.

***

Марвик пил. Пил тоскливо и осатенело. Он уже похоронил свое будущее. Он уже утопил все свои надежды. Переходя из бара в бар, из забегаловки в забегаловку, он надеялся, что где-нибудь вырубится. И может быть потом даже не придет в себя. Такая смерть очень уместна для бездарного художника. Однако что-то ему мешало пить. Что-то жужжало над головой. Он огляделся – а, телевизор. Там как раз показывали церемонию открытия выставки. Все эти сверкающие стекляшками и обнаженными плечиками дамочки с увядшим взглядом, все эти надутые как шарики во фраке, мужчины, гордо поддувающие свою щегольские усики. Все эти руки – белые, черные и в разноцветных перчатках, словом, вся эта человеческая карусель его больше не касалась. Он залпом выпил стакан чего-то крепкого и с горечью подумал, что обладай он талантом рисовать толерантные карти-

ны, он тоже был бы сейчас там –пил бы дорогушие вина. Хотя, впрочем, какая разница что пить, если цель надраться? Однако он не мог отвести глаза от экрана, на котором мелькали перекошенные от неестественных улыбок лица и картины. Вот камера выхватила картину его старого соперника Нурдо, а вот явно работа нежной женской руки – Шарлотта-Анитта, а вот ... Бог ты мой! Марвик медленно опустил стакан на стойку, не чувствуя руки. Да это же ... он подскочил, бешено завращал глазами и заорал что-то нечленораздельное бармену, и тот, на удивление, все правильно понял, прибавив звук.

– Вы видите это? Вы должны это видеть, дамы и господа, – захлебывался от восторга журналист, извивающийся перед камерой, – посмотрите! Взгляните – это картина просто невероятна, она настоящий гимн всему существующему и поистине торжество толерантности в этом наглom и неблагодарном мире. Человек, создавший это должно быть до гениальности тонко ощущает свою сопричастность каждому меньшинству, каждому маленькому и угнетенному существу ... дамы и господа, я не знаю как еще это описать – взгляните сами! Это же шедевр!

И камера, словно подглядывающий за дамой наглец, медленно уперлась ... нет, не в картину. В холст, который сегодня так удачно принял на себя пас палитрой.

март 2021 г.